

Г.В. Мишаков

ШПАТА
испанского
типа

10 новелл

Г. В. Мишаков

Шпага испанского типа (сборник)

«Accent Graphics communications»

2016

Мишаков Г. В.

Шпага испанского типа (сборник) / Г. В. Мишаков — «Accent Graphics communications», 2016

ISBN 978-1-77192-281-4

Новеллы продолжают традиции русской классики. Характеры героев раскрываются в разрешении морально-этических конфликтов, на которые так богата жизнь (чтобы защитить мать, избил отца; любит жену, но сына родила другая; давал присягу советской власти, а служит капиталистической стране). Герои ищут ответы на извечные вопросы – правильно ли устроен мир? как жить в переменчивом мире? как не изменить себе? Несмотря на «трудные» вопросы, книга читается за один присест, может быть, от того, что автор любит своих героев, сочувствует их проблемам и несбывшимся мечтам.

ISBN 978-1-77192-281-4

© Мишаков Г. В., 2016

© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Раскинулось море	6
Ниночка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Г. В. Мишаков
Шпага испанского типа

© 2016 Г. В. Мишаков

Раскинулось море

Жоре Грушевому

*...а море не даёт ничего, кроме жестоких ударов, и нет – нет
предоставит вам случай почувствовать вашу силу... Только это и даёт
оно вам, о ней-то вы все и сожалеете.*

Дж. Конрад «Юность»

Первым, как всегда, проснулся Морозов. Он смачно зевнул, с хрустом потянулся, чиркнул спичкой, ещё лёжа, сделал несколько затяжек, затем встал и громко затопал по каюте. По пояс голый пошёл в умывальник. Вернулся, отфыркиваясь, вытираясь, жизнерадостно напевая:

Паль – любил я Зойку, девку славную,
Ох, да и напрасно паль – любил,
А теперь я плачу, сожалеючи,
Для меня и белый свет не мил...

Несколько капель с мокрых волос Морозова попали на лицо Анатолию, он заворочался, бормоча проклятья.

– Подъём, ребятушки, подъём! – с нарочитой заботливостью, воодушевляясь муками товарищей, приговаривал Морозов.

...Снится её лёгкая походочка,
Снятся её карие глаза,
Может быть, она с другим шатается,

Бросила покинула меня, – распевая, Морозов расчёсывал волосы, одевался, клал в карман новую пачку «Примы».

– Подъём, ребятушки! Работа не ждёт! – приговаривал он, зная, как больно сейчас эти слова ранят сердца товарищей.

– Да пошёл ты на ...! – не выдержал, в сердцах, Анатолий, с сожалением, расставаясь с последними сладкими минутами сна.

– Не ахай, здесь тебе не роддом! – нравоучительно парировал Морозов.

– Да ты...

– Не тычь, я тебе не Иван Кузьмич!

...Шла она к другому прижималась,
И уста скользили по устам.

Хлопнула дверь. В столовую Морозов приходил тоже одним из первых.

После его ухода, Анатолий, кряхтя, выполз из – под одеяла, спустил ноги и в задумчивости сидел на постели. Утренний свет безжалостно высвечивал его всклокоченные рано поседевшие волосы, седую же щетину на мятом лице, весь очумелый вид человека, который не понимает, как его сюда занесло. Он озирался во все стороны, крутил головой и, почёсываясь, зевал.

– Глотка-то лужёная! – ворчал он, поминая Морозова. – Боится, трёбо своё не набьёт! Таковую тушу надо прокормить...

Впрочем, сегодня он ворчал больше по привычке, потому что была суббота. Полдня займёт приборка перед праздником, а полдня твои – иди в баню, смотри кино, делай, что хочешь! А завтра вообще – День рыбака! Анатолий сладостно зажмурился, озорная улыбка сошла на его лицо.

– Эй ты, чмо! – заорал он наверх. – Подъём!

Койка над ним заскрипела, тот, к кому он обращался, натянул на голову одеяло, глубже зарылся в подушку. Зато на противоположной верхотуре одеяло откинулось, и высокий юноша соскользнул вниз.

– Доброе утро! – негромко поприветствовал он Анатолия.

Юноша был высок и худ, но было видно, что природа задумала его крупным, широкоплечим, ей пока как бы не хватало материала, чтобы воплотить свой замысел. Чёрные волосы курчавились надо лбом, двумя курчавыми полуостровками сползли на виски. На верхней губе намечались усы. Юноша сутулился – словно для того, чтобы поместиться в джинсовом костюме, рукава которого не доставали до запястий, а брюки не закрывали щиколоток. Ноги он вдел в стоптанные кроссовки. Ещё не прошло и недели, как он появился на судне. Полностью одевшись, юноша вышел и больше не возвращался.

– Два молчуна собрались, – пробурчал Анатолий. Кроме юноши, он имел ввиду «первого Витька», того, кто до последнего не хотел признавать подъём.

Юноша проснулся с радостным предвкушением нового дня жизни и предстоящей работы. Ему не терпелось скользнуть руками по релингам, сбежать по крутым трапам в машинное отделение, походившее на заводской цех. Он раньше и не представлял, что в теле судна может быть такое громадное свободное пространство. На уровне вторых решёток, на сетчатых переборках и в самом деле висели таблички «Токарный цех», «Сварочный цех», над головой ходила кран – балка. Своды машинного терялись в закопчённом сумраке на головокружительной высоте. Самая же страшная чернота зияла там, куда, пронзая палубы, уходила гигантская дымогарная труба. Это и был главный цех на судне – цех, вырабатывающий энергию. И чтобы судно могло переплывать океаны, он мог быть только таким – громадным и величественным, как храм.

Проходя мимо зелёной туши главного двигателя, юноша замедлил шаг. С некоторых цилиндров сняты тяжёлые крышки – словно содрана кожа – так что видны поршни размером с хороший бочонок. И всё – таки двигатель не кажется мёртвым, а только затаившимся. И потому не по себе стоять рядом с механизмом, который некогда с неукротимой силой двигал и вращал все свои шатуны, валы, шестерни. Какая же ярость должна была бушевать в его толще, чтобы приводить в движение эти неподъёмные части, толкать вперёд тысячетонное судно!

За главным в глубине зала, слева и справа, два двигателя поменьше – каждый с небольшой автомобиль. Правый дизель сотрясает мелкой дрожью рифлёные плиты отделения, наполняет зал оглушающим шумом. Он молотит день за днём почти без перерывов, вращая генератор, снабжающий судно электричеством. От него пышет жаром, соляркой и горячим маслом. Юноша заворожено смотрит на мощно вибрирующую машину с сладким ужасом представляя, что творится в машинном, когда работает главный двигатель и капитан отдаёт команду: «Полный вперёд!». По спине пробегают мурашки.

Наверху боцманская команда, в которую входили и Витёк с Анатолием, наводила порядок на палубе – счищали с видных мест ржавчину, красили, ремонтировали. В машинном стармех также распорядился очистить переборки от многолетней липкой грязи, чтобы затем их покрасить.

– Так его ж на гвозди! – искренне удивился второй моторист Пётр Дёмин. За прошедшие дни юноша успел полюбить своё судно и слова Петра вновь вызвали неприязнь и протест. Стармех, никак не отреагировав на возражение, показал, откуда начинать и сколько надо очистить сегодня.

Лысоватый и сухопарый стармех Шаповалов в представлении юноши совсем не походил на морского человека, тем более, что его никто не называл «дедом», как это принято на судах и о чём он не раз читал в книгах. Оба моториста заглазно называли его «наш плешивый». Юноша чувствовал спиной, как он недоверчиво присматривает за их работой и радовался этому. Мотористы совсем не горели желанием выполнять грязную работу, а ему хотелось, чтобы машинное заблестело чистотой и свежей краской. Он проворно слизывал просоляренной ветошью жирную грязь, стремясь успеть побольше. В своих мечтах он уже видел, как обновлённый «Волочаевск» отваливает от причала, берёт курс в открытое море – ведь не станут же красить совсем пропащее судно!

– Витёк! – кричит ему в ухо Пётр Дёмин, глянув, нет ли поблизости стармеха. – Ты не гони, Витёк! – говорит он сочувственно. – Отдохни, а то работа быстро кончится!

Ветошь замирает в руках юноши. Пётр вторгся в его мечты точно так же, как тогда в Сухановке, где он маялся, дожидаясь автобуса.

Кто-то гаркнул в самое ухо:

– В Зарубино, земляк?

Он вздрогнул, возвращаясь из далёкого далека.

– Да, – наконец, выдал он.

– А ты к кому в Зарубино? – не унимался круглолицый, широкоскулый человек. Он белозубо улыбался, шально блестя глазами. На круглой голове – ёжик волос, густых, как сапожная щётка. Волосы и выходной костюм незнакомца имели одинаковый коричневатый цвет.

– Я на корабль, – ответил он со сдерживаемой гордостью.

– На «Волочаевск»? – просиял незнакомец.

– На «Волочаевск» – от удивления не сразу подтвердил он. Незнакомец звонко хлопнул его по спине и протянул здоровенную лапу.

– Пётр Дёмин из Майкопа! – отрекомендовался он. – Второй моторист «Волочаевска».

Его взгляд заметался по живому, настоящему матросу с «Волочаевска»! Это было всё равно, как если бы он уже ступил на борт своего судна. Спohватившись, торопливо пожал протянутую руку и назвал своё имя. В следующий момент он засыпал нового знакомого нетерпеливыми вопросами:

– А он какой, «Волочаевск»? Ну, тип, водоизмещение?

– А чёрт его знает! – беспечно рассмеялся Пётр Дёмин. – Его скоро на гвозди.

– Как это – на гвозди?

– Так, на металлолом порежут!

– Как на металлолом? – начал он и запнулся. – Но ведь он же ещё плавает? Он же ещё ходит в море?

Моторист опять белозубо рассмеялся:

– Он своё отплавал! В отстое! Да ты откуда, Витёк?

Оглушённый неожиданной новостью, он не слышал вопроса. «На гвозди! Отплавал!» – звенел в ушах весёлый голос попутчика, а в горле встал комок. Поразила обидная догадка – чтобы от него отделаться, его просто обманули! После стольких преград!

Он вспомнил долгую дорогу в общем вагоне почти через всю страну, ночёвки на вокзале далёкого незнакомомого города, утомительное стояние в наэлектризованной очереди перед отделом кадров. И как, посмотрев в паспорт, ему равнодушно сказали: «Приходи через год», и, как придя в себя, снова встал в хвост очереди, и как это сделал и на следующий день... Сталкиваясь с препятствием, он замыкал глаза и уши и упрямо стоял на своём до последнего. Так он заработал деньги на дорогу, так добился приёма на работу и направления на судно. Он уже видел себя в море – кругом на сотни миль вода и ни одного островка. Воображение рисовало загорелых матросов, мужественных, немногословных, сурового властного капитана – старого морского

волка, грубоватого боцмана, шторма и штили, айсберги и летучего голландца. И вдруг – «Он своё отплавал!» Он держался изо всех сил, чтобы не показать попутчику, как горек обман!

– А я от бабы! – обволакивая улыбкой, доверительно сообщил Пётр Дёмин. – Было на книжке сто двадцать и... – он махнул рукой. – За два дня.

Моторист блаженно зажмурился. Он его не слышал, оставшуюся часть пути подавленно молчал.

Снова уйдя в свои мечты, юноша опять орудовал ветошью так, как будто его кто-то подгонял. Он успел полюбить своё судно и охотно делал любую работу. «Волочаевск» совсем не казался ему изношенным, негодным. Он не понимал, почему его нужно отправлять «на гвозди» и не верил в это.

Когда он поднялся на верхнюю палубу, яркий свет резанул глаза. При вёден на я в порядок, она показалась незнакомой. Радовали глаз надраенные латунные части. Вода за бортом изгибалась густым бутылочным стеклом, слепила солнечными зайчиками. Ярко зеленела картошка на огородах Андреевки на противоположной стороне залива. Перед огородами серел, без признаков жизни, пришедший на отстой сторожевик.

За камбузом, на высокой деревянной скамейке, нежились на солнце три женщины.

Они вполголоса пели, покачивая в такт ногами:

*Ай – яй, в глаза – ах тумма – ан,
Кружи – и – тся га – ла – ва.
Стою едва я на ногах,
А я ведь не пьяна – а.*

Женщины пели, демонстративно не замечая мужчин. Только крайняя, миниатюрная чёрненькая, увидев Петра, потупила взгляд. Тот довольно ухмыльнулся, наклонившись, юноше показалось громко, сказал: «Моя блядюшка!»

За обедом говорили о завтрашнем «Дне рыбака» и о приближении тайфуна. И о том, и о другом – возбуждённо, с шутками и смехом. Юноша слушал с нетерпеливым восторгом – неужели ему повезет, и он увидит настоящий тайфун! Однако, когда речь заходила о тайфуне, в интонациях чувствовалась какая-то озабоченность, напряжение, словно говорили о дополнительном рабочем дне.

Анатолий в рубахе и без штанов сидел на койке, рассматривая свои детские изуродованные полиомиелитом ноги. Левая у него была короче правой, отчего он хромал.

– Тут жидкость какая-то скапливается, – говорил он, морщась, щупая распухшее покрасневшее колено. – Мне её уже отсасывали. В больнице. Года два назад разгружали мы вагон с цементом в Березайке. Мешки бумажные, рваные, навалены, как попало, до потолка... Пообещали нам за вагон двести – сразу на руки, как разгрузим. На четверых. И вот, чувствую, хрустнуло в коленке. Аж слёзы из глаз!

– А ты сходи в больницу, пусть тебе опять пососут! – ухмыльнулся Морозов.

– Да сходи! Сходи! – окрысился Анатолий. Морозов загоготал. По – детски, с ямочками на щеках, улыбнулся «Витёк первый». Юноша оторвался от чтения и с сочувствием посмотрел на Анатолия. Он уже слышал, что при устройстве на работу у Анатолия были какие-то медицинские сложности. Наверное, на это и намекал Морозов.

– Ещё помогает компресс из спирта или из бычьей желчи, – Анатолий посмотрел вверх, уловив сочувствующий взгляд юноши. – Из бычьей желчи лучше...

– Мне б только до зимы. Зимой я ложусь в больницу, месяца на три. Имею право, у меня документ есть. Лежу, книжки читаю, телевизор смотрю! – Анатолий мечтательно зажмурился.

– Что ты там всё читаешь? – с интересом спросил он, вновь подняв голову.

– «Труженики моря» Гюго, – ответил юноша, не прерывая чтения.

– Гю – го? – переспросил Анатолий, как бы пробуя это слово на вкус. – Интересная? Дай потом почитать, а?

– Да я уже прочитал, на, возьми! – юноша с поспешной готовностью закрыл книгу и протянул Анатолию, радуясь возможности ему услужить.

– Возьми, читай! – повторил он и смутился, потому что до сих пор не решил, как называть Анатолия – на «вы» или на «ты».

– Я её уже пять раз читал, – быстро заговорил он, чтобы объяснить свою поспешность и скрыть смущение. Он без сожаления прервал чтение ещё и потому, что дочитал до главы «Твоей жене, когда ты женишься». Он не мог смириться с нелепой добровольной гибелью человека, способного победить морское чудовище, стихию, в одиночку вырвать у моря паровую машину! Человек, против которого всё и вся, месяцы живёт среди воды и камней, питаясь ракушками, выполняет невысказанно тяжёлую работу – и побеждает! Тем горше его бессмысленная гибель. Юноша восхищался Жильятом и презирал Дерюшетту – как можно Жильяту предпочесть красавчика священника! Он вообще не понимал, как мужчина может быть священником или артистом балета!

– Ну, вы, читатели, долго будете ковыряться? – напирая на «читатели», подстегнул компанию Морозов. Он, как всегда, собрался раньше всех.

Впервые за последнюю неделю юноша ступил на землю. Он уже привык не замечать постоянную мелкую дрожь палубы, её плавное покачивание. Ощувив под ногами твердь, он на миг представил, что вернулся из плавания, и радость захлестнула сердце.

В баню пошли не прямо, вначале решили заглянуть на остров. Круглая, похожая на каравай сопка острова соединялась с берегом узким перешейком. На острове располагался рыбокомбинат и новая часть посёлка с многоэтажными домами и магазинами.

В промтоварном Витёк с Анатолием долго разглядывали костюмы – шупали материал, тёрли двумя пальцами подкладку, придирчиво вчитывались в этикетки. По – хозяйски расхаживал по залу Морозов, оценивая поглядывая на продавщиц и покупательниц. Юноша выбирал, на что потратить деньги, когда получит зарплату. Нужны брюки и куртка, рубашка, носки, ботинки. Наморщив лоб, он подсчитывал, сколько нужно для этого денег и останется ли что-нибудь, чтобы послать матери и сестре. В отделе радиотоваров Витёк долго не хотел выпускать из рук «Селгу» – элегантный кожаный кирпичик на узком длинном ремешке – переключал диапазоны, крутил настройку. Нехотя возвратил он приёмник продавщице, и, уходя, ещё раз поглядел на полку, куда поставили его радио.

– Эх, галстуки мне идут! – с завистью к самому себе произнёс Анатолий. – Хочу купить широкий, с блёстками, с бисером чтоб, – мечтал он вслух. Морозов и Витёк ушли вперёд, Анатолий из – за хромоты поотстал. Юноша, чтобы не оставлять его одного сдерживал шаг.

– Поработаю тут год, может, больше, – продолжал Анатолий, – деньги все на книжку! Костюм себе куплю, шубу, детям одежду. Ей – деньгами. Приеду, рублей шестьсот – семьсот выложу, сразу закрутится! Деньги она любит!

– У меня и машина есть, – похвалился он, разомлев от мечтаний. – Инвалидная, а гоняет – знаешь как!

Морозов и Витёк остановились у продуктового. Когда подошёл Анатолий, они стали рыться в карманах. Морозов собирал мелочь, считал, потом нырнул в магазин и быстро вернулся с двумя бутылками «плодово – выгодного». Вчетвером же ввалились в аптеку. Ни «бычьей желчи», ни спирта там не оказалось. Позубоскалив над Анатолием насчёт того, что «может тебе клизма поможет» – благо она висела на видном месте – направились в баню.

Юноша с уважением поглядывал на своих спутников, они представлялись ему тройкой старых испытанных друзей, а их небольшие переругивания и взаимные подтрунивания – проявлением мужской дружбы, не склонной к объяснениям в любви. Они повидали жизнь и приняли его как равного – и сердце его наполняла благодарность.

Баня находилась в старом посёлке, что примыкал к заливчику под названием Китовый. Её продолговатое здание белело в конце улицы из частных домов. У колонки набирала воду молодая женщина. Морозов недвусмысленно крикнул, а поравнявшись с ней, ослабил:

– Пойдём с нами, молодая – красивая! Спинку потрёшь! – он переглянулся с Витьком и Анатолием, делая своё приглашение как бы от всех.

– Нет, – понимающе улыбнулась женщина. – У меня муж в море.

– Вот и хорошо, что в море! – так же дурашливо произнёс Морозов.

– Нет, – сказала она серьёзно, – тогда ему удачи не будет.

Она опять осветилась улыбкой, по – видимому, представив мужа. Женщина лег ко подн
я ла полные вёдра, а вся четвёрка глядела ей вслед – не обернётся ли, не улыбнётся ли ещё раз.

Из бани, распаренные, разомлевшие, сразу направились домой – напрямик через сопку, по другую сторону которой и строился порт Зарубино. Поодаль крайнего дома Витёк заметил старую радиолу. Наверное, играя, её сюда затащили дети. Витёк проверил начинку ящика и, оглядываясь на дом, под насмешки Морозова и Анатолия, прихватил с собой. На пустыре Витёк опустил находку на землю и занялся отделением шасси с деталями от ящика. Уморившись гоготать, Морозов с Анатолием пошли дальше. Юноша остался помогать своему тёзке. Морозов мощно затянул «Матросскую штрафную»:

*Раскинулась бухта широко,
В ней малый охотник стоял.
А там всё вдали у причала
Моряк нарушитель мелькал...*

Вдвоём они сломали полированный ящик радиолы. Днище с привинченным шасси Витёк взял подмышку и не скрывал радости. Тропинка начала забираться вверх. Оттуда докатывался голос Морозова:

*Напрасно подруга ждёт друга домой,
Ждёт друга с двумя кубарями.
А он к ней вернётся из роты штрафной
В бинтах и с двумя костылями.*

День угасал. Ветер свежел, гнал по небу мгlistую рвань облаков, тербил полынь по краям дороги. С вершины сопки открывалась серая бугристая водяная даль.

*Мамаша – старушка увидит сынка,
Увидит, слезами зальётся.
Подруга увидит, руки не подаст,
Пройдёт и слегка улыбнётся.*

Юноша заврожено глядел на море, воображением пытаясь заглянуть за горизонт – как на сотни миль вода и вода, как, наконец, она кончается и начинается земля, таинственная Япония.

– Как в море, когда шторм, – спросил он своего спутника, – страшно? Качает сильно? – он читал про волны с шестиэтажный дом.

Витёк молчал, также глядя в бескрайнюю страшную даль. Юноша видел его профиль – крючковатый нос, рыжеватые усы, прищуренный угол глаза.

– Ты попадал в шторм? – глухо переспросил он.

– Нет, – задумчиво ответил Витёк. – Я вообще ещё не плавал на корабле...

Юноша быстро посмотрел на него.

– И Анатолий не плавал? – догадался он.

– Анатолий такой же моряк, как и я, – усмехнулся Витёк. – Юрка Морозов – тот плавал...

Он скоро опять поплывёт. Ждёт свой корабль, на котором уже плавал...

Стало ясно многое из того, что раньше вызывало вопросы. Например, его удивляло, что ни Витёк, ни Анатолий не знают простейших морских терминов – палубу называют полом, подволок – потолком, комингс – порогом, трап – лестницей.

– Мы тоже тут недавно, – продолжал Витёк, – три недели только.

– А до этого где были? – с нарастающим интересом спросил юноша.

– Лес рубили, – просто ответил Витёк и, видя удивление на лице собеседника, стал объяснять. – Под проводами, под ЛЭП. Расчистка линий высоковольтных передач... Один мужик из Москвы заключает договора с сетями. Ну и нанял Морозова, Анатолия, ещё были люди. Им нужно было, где жить – они ещё в мае начали. А у меня свой дом, отец с матерью умерли, братья разъехались, я один живу. Ну, и жили у меня. Я тоже пошёл с ними работать.

Витёк достал мятую пачку «Примы», став спиной к ветру закурил.

– В конце июня шеф, ну мужик этот, выдал нам аванс. До этого давал только на кормёжку. Мы уже далеко ушли, жили в лесу, в палатке. Он нас втроём оставил доканчивать кусок. Анатолий заводной, Морозов тоже. Ну, и в лесу мы уже два месяца. Почти каждый день мокрые, грязные... В общем, загудели. Две недели не просыхали, сначала в моём доме, потом в лесу... – Витёк рассказывал неторопливо, словно удивляясь самому себе.

– Проснулись раз – ни опохмелиться, ни пожрать. Голова трещит, денег – копейки. Когда появится шеф, не знаем. Анатолий и говорит: «Давай продадим «Дружбу», бензопилу, всё равно она пока бестолку. Получим деньги, купим новую...» Шеф обещал расплатиться, как доделаем этот кусок. А пилу шефу дали в сетях, на время. Ну, продали.

Опохмелились. Не успели протрезветь, а тут шеф с представителем сетей – сдавать работу. Кусок не доделан, мы валяемся пьяные, пилы нет. В общем, скандал. Чуть до милиции не дошло, – Витёк усмехнулся.

– А Морозов, когда получил аванс, ездил домой. Там ему было письмо с вызовом. Он уже плавал раньше, а потом снова написал. Он и говорит нам, поехали на Дальний Восток. От пилы у нас ещё оставались деньги...

Витёк рассказывал, как оголодавшие и отощавшие, они, наконец, добрались до Зарубино, а воображение юноши живо рисовало картины.

В лучах закатного, ещё тёплого солнца, золотятся седые космы Анатолия, бронзовеет тело. Он взирает на океан, лижущий его большие ноги, с видом первопроходца, победителя, Колумба, только что открывшего Новый Свет. И лик его был прекрасен. Витёк напоминал мальчишку, которому только что сделали долгожданный подарок – рот разъезжался в счастливой улыбке, на щеках играли ямочки. А упрямый чуб и недавние усы с закорючками делали его похожим на Чапаева. Морозов же чувствовал себя щедрым дарителем, вождём, приведшим свой народ в землю обетованную. Он бросался на волны, гоготал, пел, его крепкое тело лоснилось от воды, и весь он был, как тюлень.

Они перевалили сопку и спустились на дорогу, ведущую в порт. Рядом шла железнодорожная ветка. Вдруг сзади раздался свисток тепловоза. Путники дёрнулись в сторону, обернулись и увидели сияющего Анатолия. Он был в восторге. Когда пошли из бани, он не смог одолеть крутой подъём, свернул на дорогу, что огибала сопку по берегу, а там его подобрала попутная машина. И вот он радуется, что догнал товарищей, что удалось так здорово подшутить.

– Я десять лет на железной дороге работал, – похвастался он, – бригадиром был!

На железнодорожных путях порта пыхтел мотовоз, растаскивал вагоны. На прожекторной опоре хрюкал громкоговоритель – колокольчик.

– Эй, диспетчер, дай жену на вечер! – заорал громкоговорителю Анатолий и снова дал свисток. С пышными после мытья бакенбардами, с благородной седой шевелюрой, в чистой цветастой рубашке и кремовой жилетке он походил на цыганского барона.

После ужина в столовой крутили старый фильм «Ещё раз про любовь». Лента пестрела царапинами. Многие видели этот фильм и смотрели вполглаза, за неимением ничего другого. Доминошники доканчивали партию. В тёмном углу слышалась какая-то возня. «Отлипни!» – женский голос, но вяло, дежурно. – «Да ла – адно!» – мужской. – «Не мешай!» – «Подумаешь!» Шлепки, хихиканье.

Юноша досадовал на шум. Ему нравился фильм, хотя он и не понимал причины взаимной колючести, недоверия красивых и раскованных героев. Героиня взяла гитару и запела со всхлипом – придыханием:

*Я мечтала о морях и кораллах,
Я поесть хотела суп черепаший,
Я вступила на корабль, а кораблик
Оказался из газеты вчерашней...*

Сноп света из щели в кожухе проекционной лампы подсвечивает профиль человека, сидящего рядом с аппаратом, так, что тот стрекочет у него над самым ухом. Спина человека ссутулена, блестят гладко зачёсанные назад волосы. Он болезненно морщится, видно, как ходит его кадык. Возня в углу замирает – на экране мужчина и женщина в объятиях друг друга. Человек тихо встаёт – струя света выхватывает лацкан его пиджака – пригнувшись, пробирается к выходу.

Мощный гудок внезапно проникает в столовую. Зрители вскакивают с мест, ближние к иллюминаторам откидывают шторы. Огромный рефрижератор пришёл на разгрузку – первый в эту путину. Гонимая им волна качнула «Волочаевск». Вместе со всеми юноша поспешил на палубу.

Громада в огнях, казалось, выросла из – под воды. Судно совершало манёвр для швартовки. Слышались усиленные спикером команды капитана, шум механизмов, возбуждённые голоса, смех. С рефрижератора кричали что-то нетерпеливо – вопросительное, радостное, с «Волочаевска» отвечали так же задорно. Суета была и на берегу – готовились к приёму груза. Судно, застопорив ход, разворачивалось – из – под винтов били тугие буруны. Встав параллельно причалу, стометровая тысячетонная махина каким-то неведомым образом стеной пошла на него. За борт полетели кранцы, вода ошалело металась между бетоном причала и бортом судна, была в «Волочаевск». Забыв обо всём, юноша пожирал глазами происходящее – он впервые видел швартовку большого судна, а это такое же захватывающее зрелище, как и приземление самолёта. Учащённо билось сердце, просилось туда, на этого пришельца из морских далей. Казалось, он принёс с собой другой воздух, иной, чем здесь. И все, кто толпился на корме «Волочаевска», чувствовали это и были возбуждены, словно сами вернулись из плаванья. Приход настоящего судна напомнил им, что такое – море, и кто есть они. И они хорохорились, перекрикивались с другой командой нарочито задиристо.

Неуловимый миг – и рефрижератор намертво приторочен к берегу. Заглушили двигатель, а разбуженные волны всё шлёпались о «Волочаевск». Не успели спустить трап, как началась разгрузка. Гусиные шеи кранов зависали над горловинами трюмов, в свете прожекторов клевали груз. «Вира! Майна!» – понеслось над водой. И вой лебёдок, и предупредительные звонки.

Постепенно палуба «Волочаевска» опустела. Юноша обернулся, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Человек с гладко зачёсанными волосами приветливо улыбнулся. Юноша смутился. Человек, попыхивая сигаретой, подошёл поближе.

– Сын у меня такой же, как ты, – произнёс он слежавшимся от долгого молчания голосом. – Скоро пойдёт в армию...

– Сыну я всю душу отдавал! – сказал он с чувством. – Сейчас стал меня забывать, другая семья...

Человек, казалось, ссутулился ещё больше. Глядел, как из – за сопки наползает чёрная тень. Юноша догадался, что именно его сутулую фигуру он видел в прошлые вечера на носу «Волочаевска». Одинокую фигуру человека, обращённую к океану.

Витёк мудрил над раскрытым чемоданом, пытаясь поместить в него детали радиолы. Анатолий и Морозов вновь изнывали от хохота. «Барахольщик! Вот барахольщик-то!» – выкрикивал Анатолий между приступами безудержного смеха. Витёк угнулся и, не обращая внимания на насмешки, комбинировал, как лучше уложить в чемодан всё его содержимое, которое он вывалил на постель Анатолия. Там было немного вещей из одежды, дембельский альбом, толстая полиэтиленовая папка с фото, письмами и открытками, вазы и пепельницы, вырезанные из тутовых грибов в лесу, в минуты досуга. В вазы и пепельницы были вложены раковины и колючие шары морских ежей. Имелись также складной нож, пассатижи, пузырёк клея БФ–2. С помощью пассатижей и ножа Витёк снял с шасси трансформаторы, платы, конденсаторы, срезал провода, оставив голую металлическую раму. Добытые детали он кучкой поместил на дно чемодана, пристроил к ним вазы и пепельницы, сверху положил альбом, папку и вещи. Повозившись, застегнул молнию, после чего чемодан приобрёл форму шара. Спрятав его в рундук, он задумчиво уставился в черноту отдраенного иллюминатора, как некогда смотрел на улицу своей родной деревни.

Морозов, до пояса голый, лежал на койке – левая рука под головой, в правой сигарета, пепел с которой он, не глядя, стряхивал в консервную банку на полу.

– ... Он написал заявление, чтоб каждый месяц ей переводили из зарплаты сто рублей, – лениво рассказывал Морозов. – А в море ему приходит исполнительный лист. Она, оказывается, как проводила его, тут же ушла к другому и на алименты!

– Деньги-то они любят! – злобно произнёс Анатолий. – Моя, бывало, когда получка, так и вьётся около меня!

Витёк, слушая, задумчиво крутил ус. Юноша на своей верхотуре уткнулся в книгу «Остойчивость судна и борьба за его живучесть». Он заметил её ещё два дня назад, в красном уголке у студентов. Книга попала туда, по – видимому, случайно, валялась ненужная, и сегодня он решился взять её почитать.

– Моя первая деньги не жала, – самодовольно ухмыльнулся Морозов. – На целине мы с ней познакомились. Муж у неё бригадиром трактористов был, весной утонул. Вскорости после этого мы с ней и сошлись. Я, говорит, тебя ещё год назад заприметила. Думаю, мой будет! Удалая баба. И дети у нас с ней хорошо получались... Хе – хе. Выпить только любила. Ну, она пьёт и я! А что мне делать? Потом, чувствую, спиваюсь. Уехал к сестре...

– А со второй тёща заела! С ней жили, не к сестре ж вести бабу. Гундит день и ночь, зачем ты с ним связалась, он тебе ничего не приносит! А я устроился кочегаром в котельную, сто двадцать минус подоходный, минус алименты за двоих... До драки дошло. Как-то с одним выпивал, он говорит, уезжай, они тебя посадят. Адрес дал, он сам плавал тут.

– Весь год мне писала, встречать приехала на вокзал...

Анатолий душераздирающе зевнул. Это послужило сигналом к отбою. Витёк стянул кофту – олимпийку, брюки, полез вверх. Юноша сунул книгу под подушку. Анатолий опять долго трогал колено, укладывался со стонами и кряхтением. Огонёк морозовской сигареты продолжал время от времени описывать в темноте дугу, словно отделяя один абзац ночных мыслей от другого. Сквозь отдраенный иллюминатор слышался плеск волн.

Команда «Волочаевска» поднялась в раннюю рань. Свободные от вахты в выходных костюмах курили на палубе, дожидаясь праздничного завтрака, наблюдали за разгрузкой сосед-

него судна. Опять говорили о тайфуне. Юноша вновь слушал эти разговоры со счастливым неверием – неужели он в самом деле увидит настоящий тайфун! Однако обычно поднималось солнце, по небу шли редкие облака, и только устойчивый ветер с моря охлаждал лицо и шею.

После завтрака судно быстро опустело. Юноша стоял на непривычно безлюдной палубе и размышлял, как провести день. Выходной вызывал досаду, как сбой ритма жизни, в которую он уже втянулся. Раздумывая, он привычно направился в машинное. Ни один человек не встретился ему. Каждый его шаг отдавался незнакомым металлическим эхом. Внизу, на палубах, он понял, что его тяготит тишина. Дизель – генератор молчал, и это добавило неприязни к ненужному выходному.

Обойдя всё отделение, юноша подошёл к пульту управления, на котором лежал засаленный вахтенный журнал. Со всех сторон – и снизу, и сверху – его окружал молчаливый, насторожённый металл, и капля холодной металлической жути упала в душу. Он ещё неприкаянно побродил по машинному, а потом стал изучать плунжерные пары разобранный накануне топливного насоса. За этим занятием и застал его Пётр Дёмин, неожиданно объявившийся в машинном.

– Брось, Витёк! – сказал он, улыбаясь.

Юноша вздрогнул, застыл с блестящими полированными цилиндриками в руках, словно его застали за неблагоприятным занятием. В то же время он обрадовался живому человеку среди насторожённого металла.

– Да брось ты эти железки! – вновь произнёс Пётр. – Сегодня ж праздник! А его всё равно на гвозди!

Юноша встрепенулся и начал ветошью вытирать руки.

На палубе им встретился человек, вчера заговоривший с ним на корме. Он был чисто выбрит. Волосы аккуратно зачёсаны назад, в кармане пиджака расчёска, под пиджаком свежая голубая рубашка. Пётр, здороваясь, назвал его Василием. Василий также протянул руку юноше, улыбнулся ему, как знакомому.

– Ты, значит, в машинном, – сказал он и, оглядев его джинсовый костюм в тёмных пятнах масла, – Шаповалов спецовку не дал? Ладно, я ему скажу, плешивому!

Неожиданно для себя юноша выпалил:

– А тельняшку дадут?

– Какие тут тельняшки! – досадливо усмехнулся Василий. – Это надо с погранцами. Есть у меня там знакомый...

Василий остался на судне, а они с Петром сошли на берег. Юноша оглянулся – Василий привычно стоял на носу у самого фальшборта, одна рука в кармане брюк, в другой – сигарета. С носа судна на берег тянулись два троса, каждый толщиной в руку. Юноша побалансировал на наклонной пеньковой струне. Казалось, никакая сила не может порвать эту циклопическую привязь.

Когда они поднялись на сопку, праздник уже начался. На большой поляне в качестве сцены стояли бок о бок два грузовика с откинутыми бортами. Женщина на сцене натужно – радостно кричала в микрофон о достижениях «рыбаков и портовиков Зарубина». На краю поляны большая толпа осаждала ЗИЛ – фургон. Сзади тент откинут, и видно, как плотными – до верха – рядами поблёскивают ящики с водкой, темнеют ящики с пивом. Продавщица с растрёпанной причёской, стоя у борта, испуганно кричала: «Пока не закончится торжественная часть, продавать не буду! Не велено продавать!» Очередь давно потеряла форму, окружила ЗИЛ с трёх сторон, росла, вбирая большую часть пришедших на гулянье. Со сцены торопливо, словно боясь, что не дадут досказать, стали называть передовиков производства, победителей соцсоревнования, вручать грамоты. Кое-кто из передовиков и победителей при этом конфузливо выковыривался из очереди и под шутки товарищей, одёргивая одежду, направлялся к сцене.

Ведущая совсем зачастила, очередь почувствовала конец, напёрла, выдавила передних на борт. Продавщица, устав кричать и сопротивляться, начала совать бутылки в протянутые руки, едва успевая собирать деньги и давать сдачу. Пётр Дёмин, обхватив себя за спиной, восхищённо наблюдал, как на глазах опустошаются ящик за ящиком, а элегантные, с золотой винтовой пробкой бутылки переходят в мозолистые ладони. По причине пустоты в карманах наблюдал чисто платонически.

Начался концерт художественной самодеятельности. Побродив по поляне, Пётр приблизился к сцене, побалагурил с ведущей, а затем взобрался на подмости. Он окинул взором поляну, обеими руками сжал стойку микрофона и вдохновенно запел.

*...Морей серебряные воды
Не то, что рельсы в два ряда.
А провозжают пароходы
Совсем не так, как поезда.*

Вода, вода, кругом вода... – от самодельного исполнения песня стала задушевней, ближе, и Пётр сорвал искренние аплодисменты слушателей. Исполнитель немигающее смотрел на публику и загадочно улыбался. Подстёгнутый признанием, он спел ещё «А в небе горит, горит звезда рыбака». И песня опять понравилась. Растроганная ведущая вручила ему ушастого плюшевого зайца. Довольный, под аплодисменты и улыбки, Пётр спрыгнул на землю.

В окружающих поляну кустах тут и там виднелись сидящие в кружок группки. Пётр, что-то высматривая, ходил между ними и вид его говорил, что он знает, что делает. Юноша шёл за ним, ожидая, что Пётр собирается показать ему что-то интересное. Мельком увидел он в отдалении тощую фигуру Витька, жилетку Анатолия и уже подумал пойти к ним.

– Счас, Вить, баб найдём, – Пётр озабоченно огляделся. – Счас найдём! – добавил он ободряюще. Юноша, сочтя слова старшего товарища за шутку, слегка улыбнулся. Пётр вильнул в сторону двух женщин. Скоро вернулся.

– Ломаются! – бросил он пренебрежительно.

Юноша смотрел на происходящее, как на предисловие к чему-то главному и в ожидании покорно следовал за Петром. Тот остановился около знакомой компании. Поздоровавшись, присел на корточки. Виночерпий перестал наливать, прищурившись, уставился на Петра.

– Хочешь, чтоб на ли ли? – жестковат о спросил он.

– Налей! – вкрадчиво попросил Пётр, ласково заглядывая ему в глаза.

– А отдашь?

– Отдам! Што я... – и, как бы в подтверждение своих слов, положил к коленям виночерпия зайца. Во взгляде человека с бутылкой промелькнуло удивление, и, как будто, одобрение.

– И этому налить? – прищурился он на юношу.

– Не, не надо! – поспешно замотал головой тот и смутился.

– Он не пьёт ещё! – радостно подтвердил Пётр Дёмин.

– На дурнячка все пьют!

Послышалось бульканье. Пётр, оттопырив мизинец, подрагивающей рукой понёс полный стакан ко рту. Юноша отошёл в сторону.

Он неуверенно покружил по поляне, чувствуя себя здесь лишним, и не найдя Витька с Анатолием, направился в посёлок. Он снова размышлял, как провести день. Можно вернуться на «Волочаевск», можно исследовать окрестности Зарубина – он слышал, где-то неподалёку полузатоплены деревянные шхуны. А можно... Дерзкая мысль пришла ему в голову. Он нащупал в кармане паспорт, под обложку которого была спрятана синяя пятирублёвая бумажка – всё его состояние.

Неожиданный окрик заставил его вздрогнуть:

– А ну вперёд, падла!

На дороге, кроме него и человека впереди, никого не было.

– Ждѣшь, свалюсь, карманы проверить? Вперёд, падла! На десять шагов!

Пьяный сверлил его взглядом, качаясь, ждал, когда юноша скованной походкой пройдёт вперёд. Затем он продолжил ругать своего друга:

– Когда ты отрубился, я ночь сидел с тобой! Мне говорили, иди, что с ним будет! А я – нет! Я друзей не бросаю!

Окрик пьяного не испугал, но усилил в душе чувство неприкаянности. Подталкиваемый в спину ненавистным взглядом юноша ускорил шаг.

Он пошёл напрямик, через территорию рыбокомбината, обозначенную кое-где остатками забора. Там магически притягивал взгляд пугающе – чёрный остов «Ивана Гноинского», малого рыболовного сейнера. Точно высосанные останки гигантских жуков беспорядочно разбросаны перевёрнутые деревянные посудины. Лишённые обшивки белеют рёбрами шпангоутов, словно скелеты доисторических животных. В полном одиночестве бродил он по свалке судов, гадая, как далеко заходили они в море, много ли поймали рыбы, кто ходил на них и где теперь эти люди.

На перешейке его нагнала машина. Обогнав, она вдруг остановилась и, словно что-то надумав, стала приближаться задним ходом. Грузовик поравнялся с ним.

– Садись, корешок, подвезём! – высунувшись из открытого окна, приветливо произнёс водитель, крепкий, с пышными усами, пышными кудрями и бычьей шеей. Шляпа с загнутыми полями делала его похожим на ковбоя.

Повинуясь чувству благодарности, юноша перемахнул через борт. У кабины на ящиках сидели две женщины. Одна, толстушка с круглым лицом и грустными глазами, улыбнулась и потеснилась на ящике, освобождая место. Он отрицательно закрутил головой, сел на корточки на почтительном расстоянии от женщин.

Ветер грохотал в ушах, норовил задрать подола платьев, а женщины пели, не обращая внимания на ветер. Только когда машину сильно подбрасывало, а подола взлетали особенно высоко – у толстушки при этом открывались полные бёдра и розовая комбинация – женщины прищёпывали их ладонями, словно бабочек, тыкались лицом друг дружке в грудь и смеялись. Толстушка виновато поглядывала на юношу. Детскими голосами они пели:

*...Пропала собака,
Найдите собаку,
Найдите собаку,
По кличке дружок...*

Лицо толстушки делалось комически – грустное.

Машина проскочила старый посёлок, где вчера они мылись в бане, и помчалась по незнакомой грунтовой дороге вдоль берега. Юноша с беспокойством посматривал на кабину, но не решался постучать по её железной крыше. Наконец, машина зашуршала по гальке и остановилась перед скалами, обнесёнными колючей проволокой с табличкой «Запретная зона». Соседка толстушки проворно прыгнула наземь. Ещё две женщины выпрыгнули из кабины. Толст ушка, стоя в у гл у кузова, смотрела на юношу.

– Хочешь с нами, мальчик? – предложила она.

– Не-е, – сдавленно произнёс он. – Мне нужно в город...

– Сейчас пое-е-дем, корешок! – ковбой откинул борт. Женщина повернулась к нему. Ковбой, глядя снизу вверх на женщину, положил руку на её круглую икру, погладил. Толстушка задумчиво глядела на пенные валы, на подруг, боязливо пробующих воду. Отвернувшись, юноша слышал, как она сказала ковбою вполголоса:

– А мне купаться нельзя. У меня красная струя.

Ковбой помог ей сняться на землю. Юноше он предложил перебраться в кабину. Машина сделала круг по гальке, бибикнула на прощанье, и они помчались в Сухановку.

К концу дня погода резко изменилась – крепчавший ветер уносил дождь почти параллельно земле. Низкое небо закрывали тучи, похожие на пласты серой слежавшейся ваты из истёртого одеяла. Море в бухте – коричневатое – пятнистое, взбалумученное – напоминало грязную воду в работающей стиральной машине. Оно напористо лезло на берег, лизало ближние склады. Раньше обычного наступили сумерки. Юноша промок, но не огорчился. Весь день ему сопутствовала удача. Утром незнакомый водитель попутной машины по собственной инициативе довёз его до Сухановки, где он запрыгнул в отходившую электричку. Он успел прогуляться по праздничному городу, в котором, как ему показалось, всегда праздник, найти дежурную аптеку и купить «бычьей желчь». Он предвкушал, как удивится и обрадуется Анатолий, неожиданно получив спасительное лекарство. На обратном пути, когда из – за ненастья отменили рейсовый автобус, его согласился взять машинист тепловоза, перегонявшего в Зарубино пустые вагоны. И вот теперь идёт тайфун! Ему не терпелось подняться на борт своего судна.

Трап «Волочаевска» висел высоко над головой. Чёрная стена судна то угрожающе надвигалась на причал, вздымалась, точно собираясь выпрыгнуть из воды, то, натягивая канаты, угрожая их порвать, шла назад, проваливаясь в пучину так, что трап почти касался бетона. Люди на верху стены, перевесившись наружу, заводили дополнительные кранцы. Море, как капризный ребёнок соску, выплёвывало их обратно. Люди ловили момент и заводили снова. Прошло немало времени, прежде чем ему приспустили трап. Когда «Волочаевск» проваливался, а трап приближался к земле, сверху кричали: «Прыгай!». Выждав момент, юноша прыгнул. Судно тут же взмыло вверх, мокрые поручни рванулись из заочевенных пальцев, а чёрная щель между бортом и причалом стала страшно сужаться. Сладкий холодок ужаса пронзил позвоночник. Не чувствуя ног, он взлетел наверх, следом подняли трап.

Человек в угловатом плаще с огромным капюшоном отошёл от борта и сел на деревянную скамейку под навесом спардека – обычное место вахтенного по трапу. Это и был вахтенный – на его рукаве свернулась в мокрый жгут красная повязка.

– Посиди, – указал вахтенный на лавку. Повозившись, он откинул капюшон. Было видно, что он чем-то расстроен. Мокрая одежда холодно липла к телу, юноша, сторбившись, стоял, не желая шевелиться. Вахтенный был ему не знаком.

– Шакалы они! – выругался вахтенный. – Только и шакалят! Когда у тебя деньги, они – друзья! А как самому припечёт – ни одна сука! Шакалы! – в голосе горечь обиды. Он скрипнул зубами.

– Кто? – спросил юноша, ничего не понимая.

– Все! – недружелюбно отрезал незнакомец и замолк. Юноша собрался идти.

– Видишь? – вахтенный быстро распахнул плащ и задрал рубаху на животе. Живот покрывали, сгущаясь к центру, большие и маленькие ямки, а вдоль проходил длинный светлый рубец с белыми точками по сторонам.

– Из двух стволов! – сказал человек с оголённым животом.

– Как это? – не понял юноша.

– Урка один пережрал и с двустволкой на дорогу, – он указал в сторону Китового. – Видит, идёт баба. Одна. Заставил её раздеться, сволочь, и повёл под ружьём. Я заступился, он и всадил в меня из двух стволов!

– Месяц в реанимации... Через три месяца выписался из больницы, меня на берег, лёгкий труд. Получка сразу – оп! Зачем я ей с такой получкой!

Пошатнувшись, человек ухватился за поручень. Палуба ворочалась, стоять было трудно, неуютно, холодно. Человек молчал, по-видимому, вновь переживая прилив обиды. Подождав, юноша двинулся прочь.

В этот момент ветер прорвал в тучах дыру, и красное закатное солнце озарило Зарубино. Неестественно резко высветились коробки многоэтажек на круче сопки. Сердце за щемило от их непрочности, ветер, казалось, вот – вот опрокинет их в море. На краю обрыва высветилась женщина – ветер рвал подол её платья, трепал полы плаща. Она вышла по каким-то делам и застыла, зачарованная бурей.

В их каюте горел свет, висел табачный дым, бросался в глаза общий беспорядок. Чувствовалось, что отсюда только что вышли. Юноша бережно вынул из – за пазухи жёлтую коробку с лекарством, сунул себе под подушку. Опять представил изумлённого и счастливого Анатолия, захотелось, чтобы этот момент наступил скорее.

На грязной палубе, между койкой и столиком с недопитой бутылкой и остатками закуски страницами вниз валялась раскрытая книга. С негодованием он узнал «Тружеников моря», поднял, ладонью смахнул сор, расправил страницы. Машинально прочитал: «По цветам, которые Дерюшетта собирала и нюхала, Жильят угадал её любимые за па хи. Б ол ь ше всег о ей нрави лся аромат вьюнка, потом гвоздики, потом жимолости, потом жасмина. Роза была на пятом месте. Лилиями она любовалась, но их не нюхала. Жильят составил представление о Дерюшете по аромату этих цветов...»

За спиной громыхнула дверь, послышалась возня. Юноша обернулся, выхватил знакомое лицо Анатолия, и уже хотел обрадоваться, если б не его чужие остекленелые глаза, в которых, после того, как он разглядел юношу, появилось выражение враждебного неудовольствия. Анатолий по – хозяйски, точно вносил в дом купленную вещь, подталкивал вперёд женщину выше и моложе себя. За Анатолием в коридоре пьяно ухмылялся Морозов. Он тоже увидел юношу, и в его осоловелых глазах вспыхнуло любопытство.

Женщина нетвёрдо сделала шаг вперёд, на её лице застыла ни к кому не относящаяся улыбка. Она была накрашена, нескладна, волосы зачёсаны наверх, скреплены заколками в сложную причёску. По её замедленным движениям и забытой улыбке он понял, что она пьяна. Палуба, накрываясь, взметнулась вверх, толкнула женщину вглубь каюты. Она выбросила вперёд руки, одной из которых до того придерживала на груди полы халатика, некрепко соединённые пояском. От резкого движения кокетливое одеяние разошлось почти до самого низа, открыв красный кружевной лифчик, напрягшийся живот, резинку красных трусов. Она падала прямо на юношу. Выражение её лица изменилось на испуганно – стыдливое. Он мог бы поддержать её, но уклонился, словно боясь обжечься. В последний момент она ухватила за поручень верхней койки и упала на постель Морозова, обдав юношу волной, в которой он почувствовал и запах духов, и тепло её тела. Ничего не видя перед собой, он метнулся из каюты.

В машинном вновь привычно молотил дизель – генератор. Никого не встретив, он пробрался на затерянное среди механизмов излюбленное место Петра Дёмина – укрепленное на подставках двухместное пружинное сидение. Прижался спиной к тёплой трубе, подтянул колени, обхватил их руками, закрыл глаза. Снова увидел накрашенные щёки женщины, виноватый взгляд, худое тело. Почему она пошла с Анатолием? Ему не приходило в голову, что хромой и седой, он мог представлять интерес для женщин и сам интересоваться ими. Виделось его потное лицо, враждебность в глазах, насмешливо – любопытный взгляд Морозова, грязная, ставшая чужой каюта. Вспомнил утренний окрик пьяного на дороге и вдруг почувствовал острую горечь одиночества. О, если б его полюбила женщина, он бы носил её на руках, прижимал к себе и баюкал!

Посмотрел на наручные часы. Вспомнилось, как в седьмом классе отец повёл его в магазин и купил эти часы на заработанные сверхурочно деньги. Впервые за последнее время подумал, как далёк и недостижим дом, откуда он так хотел уехать – ему казалось, настоящая жизнь

не может быть дома, а только где-то далеко – далеко! Он так и остался бы в тёплом чреве машинного, если б не опасение пропустить тайфун.

Он ещё не привык ходить по танцующей палубе, приходилось останавливаться, держась за перила узкого коридора, выжидать, чтобы попасть в такт. Сквозь открытую дверь котельного отделения неожиданно увидел Морозова. Хотя вахта была не его, он возлежал на топчане лицом ко входу. Заложив руки за голову, в синей майке, смотрел человеком, который хорошо устроился в жизни.

– Заходи, погрейся, Витёк! – приветливо позвал он. Юноша переступил комингс, увидел молодого напарника Морозова по отделению. Мускулистый, в новом обтягивающем полукомбинезоне, расставив ноги, тот как влитой стоял на зыбкой палубе. Руки в карманах, в зубах сигарета.

– Куда убежал-то, дурачок! – хохотнул Морозов. – И тебе б досталось! Баба пьяная – передок чужой! – он осклабился в сторону напарника. – А Анатолий Батькович-то подкачал! Давно не тренировался! – оба загоготали.

Юноша, поняв, что Морозов не шутит, замер у входа. Его лицо потемнело. Казалось, он силится что-то сказать. Круто развернулся, так и не найдя слов.

– А чего ж, – услышал он за спиной, – я в его годы давно уж... Была у нас в деревне баба, все с неё начинали...

Когда открыл дверь наружу, ветер вырвал её из рук, у дарил о переборку. Сам он едва устоял на ногах. Ветер гудел мощно и ровно. Вибрировали снасти, мелко дрожала надстройка. В нечётком от дождя свете прожекторов увидел на палубе несколько пригнувшихся силуэтов людей в плащах. Они что-то крепили. Видно было, что работа стоит им больших усилий. Хорошо бы, чтоб тайфун не кончился до утра, чтоб он смог его разглядеть как следует! Сейчас берег терялся в клубящейся черноте. Смутно виделись очертания портовых кранов с поникшими, развёрнутыми по ветру стрелами. Казалось, они покорно ждут своей участи. Со стороны складов донёсся грохот падающего железного листа.

– Ещё один сорвало! – услышал он сзади. Это студенты из стройотряда высунулись посмотреть, что происходит с их объектом.

– Разошлась старушка Эллис! – беззаботно произнёс другой голос. – Славный тайфунчик!

«Эллис», – повторил он про себя, ещё раз удивившись всезнайству московских студентов.

Вслед за студентами он вернулся внутрь. Из отданного им красного уголка слышалась гитара. Он пристроился недалеко от входа.

*Которое лето пылают станицы,
Нас благословляет Россия – страна.
Не падайте духом поручик Голицын,
Корнет Оболенский, седлайте коня, – пел гитарист, блестя шариками чёрных глаз. Рядом с гитаристом вращал стриженной головой здоровенный детина в тельняшке – из команды «Волочаевска». Лбом он едва не упирался в деку гитары. От переполнявших чувств детина скрипел зубами.*

Гитарист раскурил потухшую сигарету, подкрутил винты, взял на пробу два – три аккорда. Затянулся ещё раз, аккуратно положил окурочек и начал свою коронную:

*Ни страны, ни погоста,
Не хочу выбирать,
На Васильевский остров,*

Я вернусь умирать...

Голова детины насторожённо замерла.

*Свой фасад тёмно – синий
И впотьмах я найду.
Среди замерших линий
На асфальт упаду.*

Фигура в тельняшке вдруг распрямилась, став громадной, и пошла, не разбирая дороги, наталкиваясь на одного, на другого.

– Я питерянин! Я не питерский, я питерянин! – вопил он сквозь пьяные всхлипы, брызгал слюной.

*...Словно девочки – сёстры
Из непрожитых лет,
Убегая на остров,
Машут мальчикам вслед,
Машут – машут им вслед.*

– Витя! – позвал женский голос. Он не сразу догадался, что зовут его. – Витя!

Он узнал симпатичную повариху и удивился, что она обращается к нему. До этого он ни разу не разговаривал с ней, и никогда не решился бы заговорить первым. Только издали, исподтишка, смотрел на неё, когда был уверен, что она не заметит. Кольцо на правой руке делало её вообще недосягаемой.

– Ты ведь не ужинал? – спросила она.

– Д-да, то есть нет... – заторопился он, смутившись собственного многословия. При мысли о пище, желудок задёргался в голодных конвульсиях.

– Пошли! – приказала повариха, и первая пошла к выходу. Качка не мешала ей идти уверенно. Свободная вязаная кофта на плечах, джинсы, белые носочки, тапочки – шлёпанцы с помпончиками делали её изящной и домашней. Она провела его прямо на камбуз.

Он торопливо глотал рыбный суп, не смея поднять глаза на женщину, с готовностью добавлявшей ему очередную треть половника, потому что качка не позволяла налить полную тарелку сразу. Молчать было неловко, казалось, неблагоприятно, в то время, как всё его сердце переполняла благодарность. Подав ему второе, она закурила. Задумчиво смотрела в тёмный, с потёками снаружи иллюминатор.

Он не удержался, повернул голову в её сторону. Женщина с готовностью спросила:

– Ещё?

– Не – е, спасибо! – замотал он головой, угнувшись над тарелкой.

Сквозь переборку из столовой команды доносились удары костей домино, разгорячённые голоса, мат.

– Они все пьяные, – глухо произнёс он, словно говоря: «Они все умерли».

– Сам-то не пей! – сказала женщина строго, совсем так, как заклинала его мать.

– Я? Я не пью! – заговорил он с жаром. – Я вообще не буду пить! А отец говорит, будешь! Я, говорит, тоже думал, как ты. Ты, говорит, жизни не знаешь! – всё больше возбуждался юноша. – Потом поймёшь, говорит, что отец был прав, а отца уже не будет... Он, когда напьётся, ругается, говорит, я вам, сволочам, всё создал, а вы меня ненавидите!

– Я с ним подрался! – голос юноши дрогнул. – Он был пьяный, приставал к матери. Я набил ему морду... До крови! – он посмотрел на женщину, как будто признался ей в чём-то постыдном.

– Я хотел, чтоб он не трепал нервы матери! – поспешил он оправдаться. – Он кричал, я тебя проклинаю, у меня больше нет сына! Я тебя кормлю, одеваю, а ты на меня руку поднял! Значит, если он отец, то ему всё можно, да?

Забывшая тарелка поползла по столу, повариха подхватила её.

– Ну и правильно сделал, что за мать заступился! – её глаза сверкнули гневом. Она подала компот и стояла рядом, глядя на него сверху вниз.

– Ты школу-то окончил?

– Я буду учиться! – вновь с жаром заверил юноша. – После армии пойду в мореходное. А когда в армию, меня должны взять на флот!

Послышался противный скрежет металла по бетону, ноги ощутили дрожь – «Волочаевск» боднул причал. Женщина ухватилась за стол.

– Тайфун! – произнесла она тревожно-ласково, словно успокаивая готовую броситься с оба к у.

В столовой спорили, можно ли показывать кино. Днём с рефрижератора дали посмотреть новый фильм и многие хотели увидеть его сейчас. Радист, а по совместительству киномеханик, утверждал, что такая качка и сорвёт со стола аппарат и порвёт плёнку. Над ним нависал подвыпивший жилистый такелажник в расхристанной рубахе и линялом трико. Словно не слыша доводов, он требовал немедленного показа. Его сузившиеся глаза и пена в углах рта не сулили ничего хорошего. Масла в огонь подливал один из матросов, видевший фильм во Владивостоке. «Хороший фильм! – говорил он словно сам с собой, – Хороший». И загадочно улыбаясь, добавлял восхищённо: «Землетрясение! Всё горит, взрывается, а самолёт, пассажирский, взлетает! Но баба у него стерва!»

– Товарищи! – вдруг раздался отчётливый голос. – Товарищи, я могу вам спеть песню из хорошей кинокартины про лётчиков. Очень сильная картина, товарищи.

От неожиданности наступила тишина.

– Серёга, спой про море! – хрипло попросил кто-то из того же тёмного угла.

– Сейчас – сейчас, – скороговоркой ответил первый голос и начал объявленную песню.

В далёкий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает.

Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд, – человек пел так, что, казалось, завели старую пластинку. Только не было музыки и это озадачивало, усиливало ощущение странности происходящего. Качался, что-то соображая, такелажник. Доминошники замерли, уставившись на певца, держа перед собой зажатые в ладони кости. Пользуясь заминкой, радист закрыл ящик с аппаратом и убрал его с глаз долой.

– Серёга, про море! – попросил тот же терпеливый голос, когда певец смолк.

Певец откашлялся, потрогал горло, воротничок на худой шее, узкий галстук, оправил пиджак, пригладил волосы.

– Товарищи, – начал он торжественно, – для моего старого друга, моряка, бывшего капитана...

– Серёга, не надо! – виновато попросил тот.

– ...Я спою старинную матросскую песню «Раскинулось море широко».

Раскинулось море широко,

И волны бушуют вдали...

А волны бушевали рядом, всё яростнее накатывались на судно. Вновь прошёл скрежет. В дверях появился второй штурман, глянул на происходящее вопросительно – пренебрежительно, отдал какое-то приказание и вышел. Вслед за ним нехотя поднялись двое.

*Товарищ, я вахту не в силах стоять,
Сказал кочегар кочегару...*

– А тогда ведь не было никакого кондишн, духота, – прокомментировал певец.

*Огни в моих топках давно не горят,
Котлы не дают больше пару.
Товарищ ушёл. Лопату схватил,
Собравшись с последнею силой,
Дверь топки привычным толчком отворил,
И пламя его озарило...*

– Мой друг начинал тоже на угольном. Он прошёл войну, тонул...

– Серёга, не надо!

*На палубу вышел, дыханья уж нет,
Сознание его помутилось.
Увидел на миг ослепительный свет,
Упал, сердце больше не билось...*

Среди сидящих за столом юноша увидел Василия. Крепко сцепив пальцы в один большой кулак, он, казалось, весь превратился в слух...

*К ногам привязали ему колосник,
Простынькою труп обернули.
Пришёл корабельный священник старик,
И слёзы у многих блеснули.
Напрасно старушка ждёт сына домой,
Ей скажут, она зарыдает.
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает.*

Певец умолк, а тишину нарушали только шум ветра и хлюпанье воды. Люди как будто не хотели ломать объединяющую их тишину. Певец, собрав вместе длинные тонкие пальцы одной руки, тёр ими поверх пальцев другой. Зябкая дрожь передёрнула его плечи.

– Братва! – заорал кто-то из ближних к нему. – Водка ещё осталась у кого? Артисту, для согрева?

Словно по команде все задвигались, закряхтели, зашумели. Певец смущённо кашлянул в кулак.

– Ну разве маленькую рюмочку, – он слегка развёл два пальца, большой и указательный.

– Братва! Ну? – всё тот же горячий голос. Наконец, блеснула бутылка, зачавкал гранёный стакан.

– Нет – нет, товарищи... Только рюмочку! И моему другу...

Василий двигал кадыком, щурил заблестевшие глаза.

– Пошли, Вить, ко мне, – сказал он отсыревшим голосом. В каюте он раскрыл рундук, переложил там что-то, а потом вынул аккуратно сложенную тельняшку в белых и голубых полосках.

– Тебе должна быть в самый раз, – сказал он, протягивая её юноше. Тот стоял в счастливой растерянности, не решаясь взять подарок.

– Бери – бери, – подбодрил его Василий. – Я ещё раздобуду у погранцов.

Он снова наклонился к рундуку, потянул там какой-то ремень. Что-то пискнуло, в руках Василия оказалась гармонь зелёного перламутра. Он надел на плечо ремень, присел на край койки, расстегнул меха. Скулы его обтянулись, глаза немигающее уставились в одну точку. Гармонь отчётливо заговорила «Раскинулось море широко»...

– Мать у меня молодая была весёлая, петь любила. Да и сейчас ещё... Отец играть не умел. Лет десять мне было, пошла на базар, купила гармошку. Давай, говорит, учись, сынок... Э-х-х! – Василий рванул меха, гармонь заиграла залихватские страдания. Сосед, спавший на верхней койке, продрал глаза и смотрел, не веря.

– Ну, Васька, ты даёшь! Сколько живу с тобой, не знал, что ты гармонист!

– Сколько живёшь! – хмыкнул Василий. – Всю жизнь, что ль живёшь!

Он заиграл «Русского». Сокаютник лежал на боку, подперев голову кулаком, восхищённо слушая гармонь. Взгляд юноши также был полон восхищения, любви, благодарности.

Возбуждённый игрой, Василий сдвинул меха, наклонившись,дохнул с горечью:

– Эх, разве я сейчас играл! Та – ак... Вот когда, бывало, на гулянках она рядом сидит, тогда я всего себя выкладывал, всю душу!

В дыхании Василия юноша уловил запах водки.

– Ты думаешь, я из – за денег мотаюсь по воде? Да почти всё проходит, пропивается!

Он вновь шумно выдохнул, положил гармонь на койку. Встал, нашёл курево, снял с вешалки плащ.

Юноша вышел вслед за Василием. Постояв в нерешительности, направился в свою каюту. Тельняшку он спрятал за пазуху. У стенда около красного уголка стояли двое. В высоком прямом человеке в плаще он узнал певца. Рядом с ним стоял коренастый человек в чёрном кителе и морской фуражке. Проходя здесь, он всегда задерживался, иногда подолгу разглядывая сквозь пыльное стекло выцветшую карту мира с пунктиром кругосветного похода «Волочаевска» двадцатилетней давности. Да, знал «Волочаевск» лучшие времена! Этот маршрут он выучил наизусть и когда произносил, беззвучно шевеля губами, «Гавана, Босфор, Дарданеллы, Малаккский пролив» щипало в носу, по спине пробегали мурашки. Он старался представить, как эта палуба, эти надстройки могли видеть и Гавану, и Босфор, и Дарданеллы, и весь мир.

– Ох, и потрепало нас в Карибском! – услышал он хриловатый голос человека в кителе. – Я тогда ещё старпомом был... Мы-то думали, в самом деле, везём станки. Капитан, может, знал. Говорят, чуть до войны не дошло! А теперь нас обоих на гвозди!

Из самого красного уголка доносились странные звуки. Заглянув туда, юноша увидел «питерянина». Тот что-то мычал, душил гриф оставленной гитары, рвал струны и недоумевал, почему из этого не получается музыка. Поколебавшись, юноша направился к себе.

Анатолий, похожий на обиженного пса, сидел на койке, сторбившись, крепко вцепившись в поручни. Он был бледен. Его мutilо, ногами он придерживал ведро. На своём месте, в одежде, спал Витёк. Он запрокинул голову, открыл рот, приподнял брови, казалось, чему-то удивился, да так и заснул. Замявшись, юноша молча прошёл к своей койке.

– Жизни ты не знаешь! – услышал он за спиной. В голосе и упрёк и обида, как будто за то, что ему долго было некому это сказать. Юноша обернулся.

– Жизни ты не знаешь! – жёстко повторил Анатолий, продолжая глядеть себе под ноги. Юноша словно очнулся от оцепенения. Глаза его потемнели от гнева. Хромой, сам того не ведая, попал в болевую точку.

– А что такое – жизнь? – взорвался он с горячностью человека, которого водят за нос. – Все говорят: «Жизнь, жизнь!», «Жизни не знаешь!», а что такое – жизнь? Как это – узнать жизнь? Я что – не живой?

Анатолий, не ожидавший такого напора, опешил.

– Жи-и-сь! – высокомерно – презрительно протянул он. Х-х, жись! Если б тебе рассказать мою жись, ты б понял, что это такое!

– Расскажи, – кратко попросил юноша, вдруг истративший весь свой запал.

Хромой насупился ещё больше, смачно плюнул в ведро.

– У меня отец подполковник был, а я на Ферганском канале, с беспризорниками! Народ там, знаешь, какой был? Я в банде был! – выпалил он дрогнувшим голосом.

– Как это – в банде?

– Так! Меня засунут сквозь дырку в склад или в дом какой – что я был, пацан! – а я им подаю, открываю, если снаружи закрыто...

– Я б Павлу Нилину рассказал свою жизнь! – произнёс он тоном незаслуженно обиженного и уставился себе под ноги. Его оскорблённый вид говорил, что больше он не произнесёт ни слова.

Юноша с жалостью смотрел на ссутуленную фигуру Анатолия, его красную морщинистую шею с седыми волосками, пегую, редкую на макушке седину. Он приподнял подушку, достал лекарство. Расправив мятую коробку, молча протянул её Анатолию. Тот не сразу взял её, а когда взял, долго рассматривал со всех сторон.

– Бычья желчь? – спросил он, как бы не веря глазам, и в его лице появилось что-то детское, как вчера, когда он свистел тепловозом.

От мгновенной детской радости Анатолия вдруг схлынуло тяготившее его напряжение. Он опустил на постель Морозова, прислонился к переборке. Ему стало хорошо – от того, что повариха назвала его Витей, что завязывалась дружба с Василием, что Анатолий уже накладывал на колено компресс из бычьей желчи, что его качал тайфун.

Волны били в ржавые бока «Волочаевска». Море лезло на сушу и хозяйничало там, как пьяный дебошир – достало и смыло бульдозер, оставленный на горке песка, затопило ближние склады и тянулось дальше. Оно проникло сквозь забор тарного склада, шутя, слизнуло многотысячный штабель бочек. Бочки сплошным слоем покрыли воду, кувыркались в волнах, мешаясь с пеной и мусором, сталкивались друг с другом и аккуратно разваливались на отдельные дощечки. Волны мощно перекачивались через перешеек, соединяющий остров с берегом, секли брызгами стены деревянных домиков, лепившихся к подножию острова. Там, куда море больше не доставало, волны нехотя, с шипением, втягивались назад. Зато «Волочаевск» был полностью в их власти. И море, ярясь и распаяясь от собственной ярости, раз от разу всё злее дёргало канаты, которыми берег удерживал судно.

Юноша очнулся от возбуждённых голосов за дверью: «Носовая? Швартова? Лопнула?» Сердце ёкнуло тревожно – радостно. Заработал спикер, объявляя аврал. Качка стала другой – качало и с борта на борт, и с носа на корму. Он хотел только одного – ничего не упустить и оказаться в самом опасном и нужном месте.

В смазанном от дождя свете портовых прожекторов нос судна медленно отворачивал влево, в сторон у моря. Ветер гудел, от его напора перехватывало дыхание. Казалось, можно лежать на упругой стене ветра. Причал скрылся под водой. Среди воды стояла группка людей, жавшихся друг к другу и чего-то ждавших от «Волочаевска». Под руководством боцмана из подшкиперской вытянули новый, пахнущий машинным маслом пеньковый канат. Его проло-

жили вдоль правого борта – свободным концом к брашпилю, на корме намокшие витки каната напоминали спящего сетчатого питона, которого однажды он видел в зоопарке.

С рефрижератора на «Волочаевск» направили прожектор. Фальшборт кормы соседнего судна был облеплен людьми, оттуда доносились звуки команд, по – видимому, там тоже объявили аврал. Было ясно, что если вновь не пришвартовать «Волочаевск», то очень скоро его снесёт на рефрижератор. Это не сулило ничего хорошего обоим судам. Ещё недавно он жалел, что их намертво пришвартованному «Волочаевску» не грозит никакая опасность. Сейчас же втайне хотел, чтобы «Волочаевск» оторвался совсем, и его унесло бы в открытое море. Канат под ногами ожил, пополз, направляемый людьми, за борт.

Разбуженные обитатели судна лезли наружу полюбопытствовать, что происходит.

– Не хочет он на гвозди! – услышал он знакомый хрипловатый голос. В голосе было как будто одобрение. Боцман, зло ругаясь, гнал всех посторонних внутрь. Давно бездействовавший брашпиль заело, и боцман был разъярён. «Здесь вам не коррида! – матерился он. – Одного уже унесли!» Охваченный знобким возбуждением, юноша не сразу вник в то, о чём говорили рядом:

– Стоял на баке и его швартовой... Да Ваську – электромеханика!

Сердце сжала леденящая догадка. Неожиданно, перекрывая шум бури, возник мерно – неотвратимый механический стук, а вслед за ним с вершины сопки метнулся по заливу столб ослепительно – голубоватого света. Он вздрогнул, увидел, как невольно дёрнулись и другие. «Погранцы!...» – выругался один из них. Столб пошарил по воде и лёг на палубу «Волочаевска». Пригнутые, словно под тяжестью жуткого света, фигуры людей в раздираемой ветром одежде отбрасывали резкие тени. Коричневая вода дымилась.

В медпункте ударил в нос острый запах эфира. У койки с пострадавшим растрёпанная студентка – врачиха из стройотряда. Она двумя руками вцепилась в поручень. На палубе сапоги, мокрый брезентовый плащ. Сам человек по грудь накрыт одеялом. Юноша узнал Василия. Он тут же отвёл взгляд, словно мог причинить им дополнительную боль.

«Сломаны рёбра. Возможны повреждения внутренних органов! А здесь никакой диагностики! Может быть, нужна срочная операция! – нервно говорила студентка высокому начальственного вида человеку из комсостава. – Здесь ничего нет... Здесь невозможно! У меня только обезболивающее!» Она говорила это таким тоном, каким говорят: «Почему я?» Лицо у человека было озабоченно – недовольное. Он нахмурил брови, коротко бросил: «Сообщим на берег» и, взглядом заставив юношу посторониться, вышел. Испуганная студентка растерянно смотрела ему вслед. Чтобы что-то сделать, она приподняла одеяло и укрыла лежащего по самую шею. Василий открыл глаза, по его осунувшемуся лицу пробежала гримаса боли. Он двинул кадыком, посмотрел на одеяло, на врачиху и сделал движение глазами, как будто хотел ей ободряюще кивнуть. Заметил юношу, и тому показалось, что его взгляд потеплел. Он подошёл ближе. Василий разлепил губы.

– Когда я был женат, – негромко произнёс он, – когда приходил из рейса... жена взбивала постель... Как она взбивала! Стелила всё новое... – он говорил точно во сне, делая большие паузы. Его глаза заблестели.

– Башню на сопке видел? Я там жил...

– Послушай, помолчи, а? – грубовато приказала врачиха, как это делают в подобных случаях в кино. – А ты что тут? – набросилась она на юношу.

От носа «Волочаевска» в мгlistую темноту наклонно уходила натянутая струна каната. Рядом провисал другой. Вдоль борта лежал наготове ещё один такой же канат. Глухо урчал брашпиль. Двигались тёмные фигуры людей. Нос судна то вздыбливаясь, то проваливаясь, медленно, нехотя подтягивался к скрытой водой причальной стенке. Юноша всматривался во мглу берега – ведь должны же прислать настоящего врача! К горлу подкатила дурнота, он лёг грудью на планшир и его стошнило. Он не ожидал, что его будет так выворачивать. Обескура-

женный, сполз на палубу, съёжился, вжался в фальшборт. Он прочитал много книг о море, особенно понравившиеся места записывал в тетрадь, даже заучивал наизусть. «Море уважает только силу, смелость, знание его повадок. Оно как дикий зверь – даже если ластится – всегда нужно быть готовым к неожиданному нападению. Это подтвердили бы тысячи и тысячи убитых морем, если бы они могли отвечать на вопросы...» Шум ветра, неясные крики команд, механическое урчание брашпиля.

Кто-то грубо затряс его за плечо. Над ним склонилась чья-то тёмная фигура.

– Живой? – тряс его человек, заглядывая в лицо.

– Живой, – выдавил он непослушными губами, отворачиваясь, чтобы нежданный свидетель не увидел слёзы.

Он поднялся на ноги. «Волочаевск» был приторочен к берегу сверх прежних швартов ещё двумя дополнительными. Аварийная команда, устало покидала палубу. Их ждало тепло, сухая одежда, горячий чай, отдых. Они были возбуждены, веселы и исполнены уважения к себе. Прежде чем скрыться в рубке, каждый бросал взгляд на причал, словно любясь сделанной работой. Сегодня в схватке с морем они вышли победителями и так ли уж важно, кому победа достанется завтра?

Ниночка

К концу весны Витёк заметил, что его гардероб до неприличия обветшал. Почти неснимаемые джинсы из отечественной ткани «Орбита» сселись до щиколоток, вздулись пузырями на коленях, вообще поизносились и попротёрлись. Любимая кофта – олимпийка полиняла, растянулась. Некогда модные щегольские полуботинки превратились во что-то бесформенное. Пока потепления перемежались холодами, пока стояла грязь, и всюду можно было ходить в телогрейке и резиновых сапогах, это было ещё терпимо. Но вот установилось прочное тепло, грязь высохла, забушевала зелень, зацвела, и на фоне всеобщего обновления мира Витёк почувствовал неловкость от своего несоответствия времени. Реже стал навещать старших братьев, работавших на птицефабрике и получивших квартиры в посёлке городского типа неподалёку от их деревни. Сам он жил один в большом родительском доме. Деньги тратил бездумно – на угощение братьев и друзей, на подарки племянникам, на выпускку радиодеталей. Два месяца назад после конфликта с начальником он уволился по собственному желанию. Сейчас жил в долг и на случайные заработки.

Когда не забредали к нему дружки с напитками, а то и с подружками, его тощий горбоносый профиль с вьющимся чубом и закорючками усов днями виднелся в окне – Витёк паял радиосхемы или читал. Заинтересовать его могло всё – детская книжка, журнал, школьный учебник, толстый роман. Если книга оказывалась особенно интересной, он не выпускал её из рук, пока не дочитывал до конца. По этой причине взятые в ремонт телевизоры стояли раскуроченными и недели, и месяцы. Теперь он всё чаще забывался над своей радиотехникой или чтением и, уставившись в окно, задумчиво теребил ус. Солнце, обходя деревню, заглядывало в дом и сразу высвечивало, как неуютно, как запущено его жилище. Весна гнала его на улицу, на праздник жизни.

Витёк был уверен, что сможет куда-нибудь устроиться в любой момент – механизаторы широкого профиля нужны везде – и потому не торопился вновь влезать в однообразную лямку постоянной работы. Он слышал, что в полудне езды по шоссе строят дачи какие-то шишки из областного города, что есть среди них даже генералы, с деньгами не жмутся, и что там нужны шабашники. На рейсовом автобусе доехал до остановки «Пионерлагерь». От шоссе перпендикулярно отходила узкая, в одну колею дорога, выложенная бетонными плитами. Дорога пересекла поле и упёрлась в закрытые ворота пионерского лагеря. Дальше влево вдоль забора начиналась наезженная грунтовая, и Витёк пошёл по ней.

По ту сторону забора стучал молоток, доносились бодрые голоса, пахло свежей краской, вкусным дымком от сжигаемых прошлогодних листьев. Ему захотелось вот так же убраться вокруг дома, сгрести всю накопившуюся дрянь и сжечь. Вынуть вторые рамы, настезь распахнуть окна.

Слева начинался луг. Витёк свернул на тропинку, пересекавшую луг по диагонали. Майское солнце щедро струило тепло. От ещё недавно заснеженного луга поднимался горьковатый запах ярко – жёлтых одуванчиков, прелой земли, молодой травы. Натужно жужжа, взлетел из – под ног озабоченный шмель. В небе звенел невидимый жаворонок. Невольно приходила мысль – как всё торопится жить! Тропинка привела в низину с ручейком, ещё не вошедшим в свои обычные скромные берега. Причёрсанная течением старая осока и застрявший в кустах сор напоминали о недавнем половодье. В глубине кустов пощёлкивал соловей. На взгорке осыпалась черёмуха.

Поднявшись на взгорок и миновав кусты, Витёк увидел обширное поле, разбитое на по-разному обозначенные участки – где только колышки и высокая прошлогодняя трава, где вбиты в землю трубы, а где уже заборы, дома. Вдалеке виднелась старая деревня Безобразово. Витёк остановился, осматривая панораму строительства, закурил. Медлил, дотягивая окуроч

до самых пальцев. Наконец, двинулся к ближнему ряду участков. Там громоздились штабеля леса, кирпича, шифера, были навалены железобетонные блоки, возвышались кучи земли и песка. Кое-где были заложены фундаменты, во многих местах выросли ладные домики на разных стадиях завершения. У домиков хлопотали люди, которые казались загадочными, потому что было непонятно, откуда у них столько денег, чтобы строить дома. Делая равнодушный вид, Витёк скованной походкой шёл вдоль новой улицы, глядя то направо, то налево, прикидывая, где можно предложить свои услуги. Для него это было внове, потому что, когда работал на тракторе, наоборот, гонялись за ним, прося что-нибудь привезти или вспахать, или прорыть какую-нибудь канаву. Из-за этого-то и получился конфликт с начальством.

На одних участках лежало сваленное кое-как разное старье – серые брёвна разобранного сруба, утыканые гвоздями доски, упаковочные щиты с надписью «Не кантовать», крашенные листы фанеры, мятое железо, бывший в употреблении кирпич. Владелец участка мудрил над таким материалом, разбирал и сортировал, собираясь что-нибудь построить собственными силами. Витёк видел, что здесь нечего спрашивать работу. На других участках из отборного кирпича, из первосортного бруса выросли двухэтажные красавцы – коттеджи, крытые оцинкованной морозной жестью. Здесь звенела циркулярка, постреливала бензопила, загорелые ухватистые люди в курортных шапочках весело делали своё дело. Витёк не без зависти смотрел на них и тоже проходил мимо.

Подойдя к участку, где, по его мнению, могла быть работа, он грубовато – фамильярно кричал:

– Здорово, хозяин! Помочь не нужно? Работа есть?

Хозяин вопросительно смотрел на искателя работы, потом отрицательно крутил головой или, пожимая плечами, равнодушно отвечал: «Нет» – и продолжал заниматься своим делом. Витёк уныло шагал дальше. Случалось, у него спрашивали: «А сколько вас?» Услышав, что он один, теряли к нему интерес. Раза два ему указывали на участок, где, якобы, собирались нанять строителей. Но там либо никого не было, либо уже работала «конкурирующая фирма».

Так Витёк дошёл до крайнего к деревне участка. Буду чи у веренным, что дело не выгодно, всё же решил в последний раз спросить насчёт работы. Небритый мужик, проходивший в это время по улице, остановился, прислушиваясь к его разговору с хозяевами. Получив и здесь отказ, Витёк собрался возвращаться восвояси.

– Что, – заговорил скучающий мужик, – халтуру ищешь? Раньше надо было. Тут, как снег сошёл, начали ходить сабашники.

Мужик шепелявил, спереди зубы у него были только по краям.

– А ты сходи – как к Машуньке! – обрадовался он вдруг пришедшей идее. – Сходи – сходи! Она сыну дачу строит. Сначала машину купила, а теперь дачу. Да пошли, покажу!

Небритый говорил так горячо и настойчиво, что Витёк повиновался.

Машунькин дом оказался на другом конце деревни, там, где она загибалась вправо, следуя руслу оврага. Машунька копалась в огороде. Щербатый окликнул её. Старуха тяжело разогнулась, помедлив, подошла. Остановившись в трёх шагах, неприветливо глядела на незваных посетителей. У старухи была медвежатая фигура – большой рост, широкие плечи, короткая шея, длинные, чуть не до колен крупные руки из засученных рукавов. Из – под платка выбивались пегие волосы.

– Вот! – радостно заговорил небритый, довольный собой. – Работника тебе привёл!

Показывай, что делать.

Старуха переводила взгляд с одного на другого, словно оценивая, стоят ли они разговора.

– А кто он такой? Откуда? – что-то надумав, спросила она у небритого.

– Из Подберезья! – не без вызова ответил Витёк. Старуха ему не нравилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.